

Во время крупных, затянувшихся несчастий люди впадают в отчаяние, теряют голову, паникуют. И в то же время в какой-то части из них пробуждаются неведомые силы. Неведомые – не обязательно огромные, но такие, о которых человек не догадывался в мирной благополучной жизни, позволяющие преодолевать, сопротивляться на краю той «бездны страшной», о которой нам напоминали Державин и Пушкин. Но карантин по вирусу COVID-19 лишает нас последней радости – «упоения в бою», завещанного классиками.

Вот что сообщает **Александр Мельник (Льез)**, главный редактор журнала «Эмигрантская лира»: «Вы будете смеяться, но бельгийская газета *"Le Soir"* вышла сегодня с редакционной статьёй "Время швейных машин и стихов"».

Как же получилось, что шить санитарные маски или сочинять бодряческие куплеты оказалось лучшей формой сопротивления моровому поветрию нового века? Пандемия – это то, что нас роднит со средневековьем, протягивая наши корни в тёмные глубины истории... Коварный вирус прорвался к нам тайным путём, пренебрегая защитной гигиеной, обойдя препоны современных технологий, и схватил за самое-самое – даже не за горло, а за трахеи и лёгкие, вторгшись даже в состав нашей крови. Но в этом я не вижу упоения, каковое испытывал Вальсингам из пушкинского «Пира во время чумы», сравнивший это

состояние с боевым ражем, бросающим смельчаков и безумцев на край смертельного риска. Нет, сидеть в карантине – это скука, крепко приправленная обоснованным страхом за свою жизнь и за жизни близких. Человеческий организм сопротивляется длительному страху, хватается за предпоследнюю соломинку творчества (а первая и последняя – это молитва), он умственно барахтается, его железы выбрасывают в кровь некие побудительные ферменты, и вот уже вся наша геосфера солидарно превращает весну во всемирную болдинскую осень.

Пишут стихи все, приобщённые к слову: поэты, читатели, журналисты, редакторы, критики... И немедленно (пока ещё живы) публикуют свою продукцию – где же, как не в Фейсбуке? В этом сообществе я и раскинул сети, образовав там группу «Стихи во время карантина», и они оказались полны уловом!

Александр Карпенко (Москва), поэт с гитарой и при том мой благожелательный критик, зарифмовал просто и кратко то, что я пытаюсь здесь высказать в нескольких абзацах: он нашёл укryвище в самом «безопасном» месте во Вселенной – на нашей планете!

Нет во дворе попрошаек –
Жизнь стала тише.
Словно бы меньше стал шарик,
Нас приютивший.
Страхи за папу и маму,
Бабу и деда,
Словно бы внутрь, прямо в магму,
Вжалась планета.
Внутрь засосала нас тина,
Пьём и едим мы,
В хрупких тисках карантина
С миром едины.

Действительно, строгие предписания отменили начавшуюся было глобализацию, вновь заключив людей в стенах страны, города, семейной ячейки... Но общая опасность объединяет их по судьбе, заставляет перешагнуть отчаяние – мол, на миру и смерть красна. Понимание чувств другого, далёкого человека вызывает взаимный подъём солидарности. Но происходит это на фоне карантинных будней в самом эпицентре заболевания. Их нам описывает **Геннадий Кацов (Нью-Йорк)**:

...мне вставать никогда не хотелось
на работу и, босс мне простит,
всей душой, а тем более телом,

я готов поддерживать карантин
изолирую мебель в гостиной
и крест-накрест заклею окно –
этот с вирусом мой поединок
для него плохо кончится, но
я заметил: чем чаще перчатки
в день меняю, одежду, постель,
тем к заразе всё больше причастных
и всё выше кривая смертей
после утренней влажной уборки
и опрыснутых улиц окрест –
переполненность жуткая моргов,
дефицит у больниц койкомест
может, что-то не делаю верно,
может, делаю что-то не так:
столько месяцев вирус, как вермахт,
побеждает в любой из атак
всем понятно: не главную битву –
важно выиграть в целом войну:
что МНЕ делать, чтоб меньше убитых
и чтоб меньше страдало в плену?

Джейн Якобсон (Нью-Йорк) – одна из таких пленниц, истомившаяся в одиночестве. Она готова нарушить все предписания и запреты ради единения с такой же одинокой душой, у которой, будем надеяться, возобладает здравый смысл и она не поддастся безоглядному зову.

Я, наверно, сорвусь. Брошу всё и приеду.
Не могу взаперти я стоять у окна,
брошу вызов чуме, карантину, запрету.
За гардиной окошка вызревает весна...
... Я приеду. Нельзя целовать телефоны.
Глаз не видно и голос куда-то пропал.
Я порву карантины, заразы, короны...
Я, конечно, приеду. Только жду, чтоб позвал.

В домашнем заключении томится душа **Геннадия Казакевича (Мельбурн)**. Истинному джентльмену, ему досадно оттого, что его элегантные одежды висят без надобности в шкафу. Завзятому путешественнику, ему несносна мысль, что самолёты его излюбленной компании (он, видимо, *frequent flyer*) бездействуют в ангарах, а приветливые стюардессы не склоняются к нему с угощением. Но более всего ему нестерпимо сознавать, что где-то далеко в Ватикане римский папа сидит одинёшенек посреди пустой площади. И тогда всемирно отзывчивый поэт решает:

Прилечу в Рим
Надену самый красивый пиджак
Самые практичные деловые брюки
Самые удобные туфли
Самые любимые рубашку
и галстук

Пойду на площадь
Святого Петра
и разделю одиночество
с Хорхе Марио Бергольо
Его Преосвященством
Папой Франсисом
пока ещё разрешено
собираться
по двое

В пляжной расслабленности духа проводит карантин **Игорь Курас (Бостон)**. К тому же, домашний зверь не подаёт ему хороший пример.

Сердце сбивается с ритма – это, наверное, старость:
мысли теперь о простом: о том, сколько мне осталось.
Кошка лежит в ногах, изображая усталость,
а ведь она проспала весь день – да и ночью не просыпалась...

Встрепенитесь, Игорь! Вспомните хотя бы каталонских девушек прошлого сезона, являвших свои прелести на фоне яркой средиземноморской синевы. Вы ещё куда как молоды!

Людмила Свирская (Прага) тоже проводит томительные недели карантина в мечтательном одиночестве – такова реальность. А в сослагательном наклонении (если перенести время назад) всё могло быть совсем иначе.

В апрельский вечер, накануне Пасхи,
Мне вспомнилось, как пару лет назад,
День в день, мы обнимались без опаски,
А за окном был точно райский сад.
Так вышло: мне любовь укоротили.
Но есть покой в заклинии дождя.
Тогда б мне кто сказал о карантине
Да хоть сто лет! Совсем не выходя...

А ведь кому-то и повезло, кто-то коротает несвободу с желанным гостем, которого так удачно застиг карантин у приветливой хозяйки.

Такой хозяйкой оказалась **Елена Дубровенская (Хабаровск)**, или, скажем так, её лирическая героиня; у неё имеется стратегический запасец «самого святого» на долгое время, – но не в этом главное.

Грачи летят. Совсем весенний вечер.
Не вспоминайте Брейгеля и Босха.
Да, мир – театр, горят его подмости.
Я вас люблю. На ужин будет греча!

Парадоксально, что **Игорь Баранов (Москва)**, находясь в тесном домашнем заключении, ощутил в себе сразу четыре вида свободы: выбирать, заменять, быть и задуматься. Я бы выбрал из них свободу № 3: быть вестью для неведомых адресатов будущего.

Свобода быть посланием в бутылке,
судить по качке о своей судьбе,
гадать, какой дикарь найдёт в тебе
божественного гнева предпосылки.

Предпосылки для того, чтобы человечество задохнулось в кашле, конечно же, имеются, но автор тут же отвечает их пасхальным посланием: «Да вдохнёт воскресший Господь свежий воздух в лёгкие Мира!». Да будет так.

В той же группе «Стихов во время карантина» (чтобы не сказать «во время чумы») помещено – не напрямую на нашу тревожную тему, но явно ею внушённое и с болью исторгнутое – стихотворение **Ирины Карпинос (Киев)**, которое я не смог порезать на удобные цитаты и потому привожу целиком.

Тот въевшийся нищенский запах вокзала,
страна, что меня от себя отвязала,
и месяц угрюмый над чащей лесной –
да, всё это было и будет со мной,
замыганный смысл изначального слова,
разбойная рваная vita puova,
и вкус металлический тёмных времён,
и тот колокольный серебряный звон,
и вал эпидемий, и шквал катаклизмов
от переворотов до каннибализма...
На чёрта на чёртовом том колесе
мы оптом зависли, не в розницу – все?
Когда Соломон разлюбил Суламиту,
когда содомит возлюбил содомита,
казалось, ещё далеко до конца
с тюрьмой да сумой от венца до свинца.

Но кончилось время надежд и прелюдий,
лежит голова Олоферна на блюде,
а рядом креститель – святой Иоанн,
накрыты столы земляничных полян.
Так выпьем цикуту за племя людское,
за эту лечебницу с вечным покоем,
за то, что последний живой аксакал
на розовом мерсе в астрал просакал...

Кого она имеет в виду в последних двух строчках? Могу ли я как читатель принять это на себя? Да, я ещё живой, но всё же не последний из живущих и к тому же, кажется, не вполне аксакал... Задаёшься пушкинским вопросом: «Долго ль мне скакать по свету?». И сам же отвечаешь – явно недолго, но не в мерседесе же, тем более розовом, да и не в кибитке, и не верхом, как раздосадованный Александр Сергеевич во время подобных обстоятельств. Нет, это пока не про меня...

К тому же цикуту я бы не рекомендовал как лечебное средство. Вот **Леонид Яковлев (Ход-ха-Шарон)** хочет сообщить нам другое, более верное средство от болезни – противовирусный наговор, который я всё-таки пропущу и «не вставлю в книжку», поскольку он сугубо антинаучен и потому вряд ли кому-то поможет. Публикую лишь искреннее признание пациента.

два вируса разного гриппа в моём организме
воюют а может пируют
не понял пока
но меня потоптали изрядно

Достаточно и одного вируса, а тут сразу два! Пожелаем ему справиться с обоими. А **Евгений Сливкин (Блэксберг, Вирджиния)** высказался скептически в комментарии, что, мол, пишут стихи лишь те, кто находится по эту сторону вируса. Тема представлена односторонне. Но нет, – оказывается, есть пишущие и по ту сторону.

Вот ещё пример: **Ольга Гуляева (Красноярск)** явно заболела, но решила совсем не лечиться. И вправду – ни лекарств, ни вакцины пока нет. Приходится перемогать болезнь самой.

Ходит кругом голова на цветастых ложноножках;
Я не буду вызывать эту вашу неотложку.
Это лоб. Горячий лоб. Тихо дремлют архетипы.
Я люблю, когда тепло, а ещё – темно и тихо.
Я совсем уже большой – где-то ноги холодеют.
Завтра будет хорошо. Завтра будет понедельник.

Снится некто на коне. Снится поле гиацинтов.
В этой грёбаной стране ни любви, ни медицины.
Снится тонкий черешок и бутоны орхидеи.
Завтра будет хорошо. Завтра будет понедельник.
Ты ещё во сне мелькал для чего-то для чего-то –
Ты, идущий до ларька. Ты, идущий на работу.
Значит надо выживать понемножку понемножку
Я не стану вызывать эту вашу неотложку

Сознание, одурманенное вирусом, диктует телу неверные решения, отвергает медицинскую помощь, это – жест отчаяния. Но сам протест делается формой надежды, мобилизует силы, чтобы дожить и выжить.

И всё-таки сколько можно ждать в бездействии, в неведении своей участи? Подступающему отчаянию можно противопоставить только холодный анализ, трезвое предвидение всех, даже самых мрачных перспектив.

Наталья Кравченко (Саратов)

Коронавирус, пандемия –
красив у смерти псевдоним.
Слегка кого-то обними я –
и в бездну канем вместе с ним.
Уж сколько их в неё упало,
а всё ненасытима пасть,
и всё ей мало, мало, мало,
нам надо всем в неё упасть.
И даже в беглом поцелуе
таится смертоносный яд.
Любовь, семью, весну минуя,
мы падаем в холодный ад
темниц, безличья, изоляций,
где смерть черна не на миру,
без аллилуй, без апелляций,
забившись крысами в нору.
Шутили: не было зимы мол,
но уж весну не отдадим!
Но вирус нас из жизни вымыл,
замордовал и победил.
Кто ищет – тот уж не обрящет,
всяк вымрет словно динозавр.
Останется лишь телеящер.
Ты сделал своё дело, мавр.

Конечно, в арсенале наших оборонительных средств остаётся ещё бравада, комикование, резвое жонглирование словами. Этим отвлекает нас от угрюмого настроения **Женя Чистый (Киев)**.

это да – апрель не май на
перепад/на/перекос
птицы вира
птицы майна
вирус только строго в нос –
как пчела находит улей
как прораб – родимый цех
обзаводишься свистулей
на застигнутом лице
клюв-свистулькой не помеха
дёрни сто и будь собой
стань эрзац-эдита-пъеха
про надежду людям спой

И – он же, сбежавший от тоски из дома, сидит в ожидании белых халатов, которые его схватят за нарушение предписаний и уволокут в больницу.

пусть нет мне вдоволь поутру
истомных рук и слова «милый»
сiju в кустах
травинку жру
одет в брезент
обут в бахилы
обличьем прост – с тибетских лам
бубнящих мантры рефлекторно
в ногах жуки букашат дам
в верхах бушует пташьё порно
коты мостясь на тёплый бут
март тщатся вылизать из ссадин
за мной халаты не придут
пока я тих и непригляден

Итак, в отсутствии медицинских средств и даже вместо них у нас остаются стихи и чувство юмора. С этим наверняка согласится **Марина Гершенович (Дюссельдорф)**, которая обращается к классику, извиняясь перед ним за озорную пародию: «Простите, но без чувства юмора никак при карантине :) Александр Сергеич, тобой, великим, навеяно».

Поэт идет, открыты вежды,
но он не видит ничего.

А между тем, за край одежды
прохожий дергает его:
«Скажи, зачем идёшь в магазин
во время вирусной чумы?
Там мы стоим, а ты заразен,
и это точно знаем мы.
Зачем ты ложишь свои руки
на пианину, музыкант?
Распространяют эти звук
гриппозный штамм, а не талант.
Зачем ты мужа своего
без маски любишь, Дездемона,
и без перчаток и гондона
к себе ты приняла его?
Зачем от гор и мимо пашен
летит призыв, тяжел и страшен:
«Сарынь на кичку – по домам!»
Орёл парящий сбит с дороги,
две головы его в тревоге
и пищи нет его умам
Алёнушка не ищет братца,
но ищет мыло втихаря...
«Всё, больше трех не собираться», –
решили три богатыря:
– «Пока законы наши в силе,
нас ждут нератные дела!».
.....
И антисептик закусили,
как ихни кони – удила.

Похоже на то, что всемирное Болдино у нас благодаря (или вопреки) карантину всё-таки получилось. Вот статистика из Фейсбука: участников из разных городов и стран – сотни. Публикаций, комментариев и реакций – тысячи. Точных чисел не сообщая, потому что они всё прибывают. Получился ли из нас коллективный **Пушкин (Санкт-Петербург)**? Тут я должен огорчить читателей...

Но мы приближаемся к тому, чтобы стать коллективным **Дмитрием Быковым (Москва)**, чьи стихотворные фельетоны на самые острые темы заполняют сетевые издания. В очередной поэме «Карантинное» он бодро шапкозакидательствует перед миром преодолёнными вирусами (правда, все они политического характера).

Российский опыт всеми признан:
Моя великая страна
Переболела ленинизмом,
Сопливым неомонархизмом,

Визгливым ретроанархизмом,
Чванливым национализмом,
Разнузданным капитализмом,
Неоднократным терроризмом,
Казарменным социализмом,
Национальным большевизмом,
А путинизмом-обнулизмом
Она и до сих пор больна...

Последний вирус труднопреодолим, но карантин продолжается...

И вновь, как и в начале этой статьи, нас утешит **Людмила Свирская (Прага)** надеждой (не без оснований) на то, что всё, имеющее начало, имеет и свой конец.

Знаешь, когда закончится карантин,
Я вспорхну с опостылевшего насеста.
Пусть будет дождь. А следом ещё один.
На улицах снова станет шумно и тесно....
Неужто когда- то закончится карантин?
И снова я буду одна. И мы будем вместе.